

Научная статья
УДК 130.2:327(519.5)
DOI: 10.18101/1994-0866-2026-1-62-68

Истоки стратегической культуры Южной Кореи: онтологический анализ

© Бритова Виктория Римовна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории регионоведения и стран Азии
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

Аннотация. В статье рассматриваются истоки стратегической культуры Республики Корея через призму онтологического подхода. Опираясь на конструктивистскую теорию А. Вендта и концепцию онтологической безопасности Дж. Митцен, автор анализирует, как исторический опыт существования «между» великими державами, колониальная травма и разделение нации сформировали устойчивую онтологическую установку на восприятие международной среды как принципиально небезопасной. Эта установка, определяемая как «бытие-в-промежутке», рассматривается в качестве фундамента стратегической культуры Южной Кореи, объясняющего такие особенности её внешней политики, как политика баланса между США и КНР. Показано, что в современных условиях базовая онтологическая структура не исчезает, а дополняется новыми инструментальными стратегиями — формированием многосторонних союзов и прагматичным маневрированием, что свидетельствует об эволюции корейской стратегической субъектности.

Ключевые слова: стратегическая культура, Республика Корея, онтологическая безопасность, конструктивизм, бытие-в-промежутке, политика баланса, дуализм идентичности, средняя держава.

Для цитирования

Бритова В. Р. Истоки стратегической культуры Южной Кореи: онтологический анализ // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2026. Вып. 2. С. 62–68.

Поведение государства на международной арене — это сложная система действий и решений, формирующих международный образ государства, характер его взаимодействий с другими государствами. В современном общественно-политическом дискурсе существуют устоявшиеся идеи и теории, описывающие поведение государства в международной системе. Так, реализм объясняет поведение государства через категорию силы, либерализм опирается на влияние международных институтов и организаций. Обе теории исходят из того, что вся международная система — это объективная реальность. Реализм воспринимает анархию как угрозу безопасности, в которой государства заботятся о себе и наращивают военную мощь, чтобы обеспечить свое выживание. В это время либерализм, признавая анархическую интенцию международной системы, говорит

о возможности сотрудничества государств между собой через организации, торговлю и разделение общих ценностей.

Однако поведение государства невозможно описать исключительно как стремление обеспечить свою безопасность или добиться признания, например, в случае Южной Кореи существуют модели поведения, которые нельзя объяснить только лишь позициями реализма и либерализма. К ним относятся политика баланса (кор. 균형 정책) в отношениях с США и КНР или сохранение политики дуализма в отношениях с Северной Кореей — курса, колеблющегося от враждебного к дружественному, но почти никогда не нейтрального. Внешнюю политику и стратегию поведения Республики Корея (далее — Южная Корея) можно рассмотреть с точки зрения конструктивизма. Этот подход определяет анархию как социальный конструкт, где все зависит от того, как государство воспринимает другие государства и как оно себя идентифицирует. И анархия в данном случае является уже не объективной реальностью, а тем, что из нее делают государства (англ. *Anarchy is what states make of it*) [10, с. 6]. Его содержание зависит от типа взаимодействия государства — либо исключительно конфликтное и враждебное, это Александр Вендт называет гоббсовской культурой, либо государство демонстрирует дружелюбную и мирную политику, что определяется как кантовская культура, и, наконец, конкурентное взаимодействие является локковской культурой [10, с. 246].

Опираясь на типологию Вендта, мы ранее рассматривали проявления данных культур или идентичностей во внешней политике Южной Кореи и выявили, что, например, в отношениях с КНДР проявляется враждебная гоббсовская идентичность, дружелюбная кантовская идентичность в отношениях с государствами-гегемонами США и КНР и конкурентная локковская культура в отношениях со странами-соседями Северо-Восточной Азии [2, с. 53]. Однако эта типология не дает окончательного ответа на вопрос о политическом поведении Южной Кореи и ее базовых установках, объясняющих истоки такого поведения. Действительно с разными государствами Южная Корея проявляет себя по-разному, но почему это происходит? Ответить на этот вопрос можно с помощью онтологического анализа стратегической культуры.

Для этого необходимо обратиться к понятию стратегической культуры как совокупности идей, реакций и моделей поведения, последовательно воспроизводимых во внешней политике государства на протяжении десятилетий. Фундаментом этой идеи стал политический неореализм, в частности, К. Уолтц, анализируя причины войны формулирует теорию трех образов, согласно которой войны обусловлены человеческой природой, внутренним устройством государства и отсутствием порядка в международной системе. В своей книге «Человек, государство и война» он говорит, что «при наличии множества суверенных государств, без системы права, применимой к ним, когда каждое государство судит о своих претензиях и амбициях по велению собственного разума или желания — конфликт, иногда ведущий к войне, неизбежен. <...> В условиях анархии нет автоматической гармонии» [9, с. 159], и здесь мы видим, что в условиях анархии каждое государство вольно по-своему реагировать на давление и угрозы, то есть типы

реакций не являются чем-то четко определенным и формулируемым и каждый случай индивидуален.

Идею третьего образа Уолтца развивает аналитик Дж. Снайдер, который показывает индивидуальную реакцию государств на анархию международной системы и впервые формулирует идею стратегической культуры «как совокупности идей, условных эмоциональных реакций и паттернов привычного поведения, которые члены национального стратегического сообщества приобрели через обучение или подражание и разделяют друг с другом в отношении ядерной стратегии» [8, с. 9]. Здесь следует оговориться, что изначально целью работы Снайдера, американского исследователя, было прогнозирование действий советского командования в условиях «холодной войны» США и СССР. И по итогам аналитического отчета ключевыми особенностями стратегической культуры СССР он определяет склонность к односторонним силовым ударам в сравнении с американской идеей «сдерживания» силы, доминирующую роль военных, продвигающих идею «войны на уничтожение», опору на исторический опыт, в частности, на опыт Второй мировой войны, научивший полагаться только на себя и свои силы и не доверять кооперативным стратегиям сдерживания [8, с. 23, 38]. Хотя его работы были призваны раскрыть истоки стратегического поведения «врага», именно они заложили основы для дальнейшего изучения стратегической культуры уже в контексте международных отношений.

Как и любая идея или концепция, понятие стратегической культуры прошло несколько этапов уточнения и критики. Например, Аластер Джонстон определял стратегическую культуру как систему символов, которая «устанавливает всепроникающие и долговременные стратегические предпочтения, формулируя концепции роли и эффективности военной силы в межгосударственных политических делах и облекая эти концепции такой аурой фактичности, что стратегические предпочтения кажутся единственно реалистичными и эффективными» [5, с. 36–37], то есть культура — это символы, а не просто паттерны поведения. А К. Грей утверждает, что «стратегическая культура — это не то, что государства имеют; это то, чем они являются. Это контекст, а не причина. Мы все культурные существа и мы не можем встать вне собственной культуры, чтобы проверить ее как независимую переменную», что описывает стратегическую культуру как среду, в которой мы находимся и вне которой не можем существовать [4, с. 51–52].

На современном этапе стратегическая культура интерпретируется как поле конкуренции разных нарративов и идентичностей, которое формируется через дискурс политических элит, историческую память, а также географию и пространственный опыт, институты, организации, технологии, религию и цивилизацию, экономику и т. д., то есть масштабы и границы бесконечны. Так, например, рассматриваются культуры антимилитаризма в Японии и Германии вследствие тяжелого наследия Второй мировой войны [3] либо формирование стратегических предпочтений вследствие организационных культур военных институтов Англии и Германии [6], и если мы говорим о Корее, то изучается влияние стратегической культуры на политику безопасности ЮК [11]. Отечественные исследователи

В. Лукин и Т. Мусиенко также рассматривают эволюцию теории стратегической культуры, отмечая важность обращения к геокультуре [1].

Помимо содержания и значения стратегической культуры необходимо выделить ее философское основание. Здесь мы обратимся к идее онтологической безопасности Дж. Митцен, чей ключевой тезис заключается в идее о том, что государства, как и индивиды, стремятся не только к физической безопасности (защита территории и населения), но и к онтологической — поддержанию устойчивой идентичности и непротиворечивой картины мира [7, с. 341]. Онтологическая безопасность требует, чтобы мир был понятным и чтобы место государства в этом мире было определенным. В случае же резкого изменения сложившихся моделей поведения безопасность может быть нарушена, а существование государства или его идентичность могут оказаться на грани исчезновения.

В случае Южной Кореи необходимо ответить на вопрос, насколько среда влияет на формирование стратегической культуры, то есть каким образом складывалось восприятие среды у политических элит страны на протяжении всего срока существования государства, безопасна ли среда в восприятии корейцев или, наоборот, несет угрозу существованию государства? Существует древняя корейская поговорка, описывающая положение Кореи, так: «когда киты дерутся, спина ломается у креветки» (кор. 고래 싸움에 새우 등이 터진다), русский аналог пословицы — «быть зажатым между молотом и наковальней», то есть Корея на протяжении многих лет находится в окружении более сильных государств, в битве интересов которых она наносит урон своим интересам. Данное положение можно назвать *бытие-в-промежутке*, что означает значительное влияние чужих интересов на судьбу государства, иначе говоря, нарушение другими странами субъектности и границ Кореи. Действительно на протяжении всей истории Корейский полуостров становился территорией споров разных государств, либо Китайской империи, или Японии, а в XX в., с 1910 по 1945 г., Корея пережила полную утрату субъектности в период японского колониального правления

К положению бытие-в-промежутке можно также отнести и конфуцианскую идею служения старшему (кор. 사대주의), в роли старшего традиционно выступал Китай и корейский правитель — ван, который никогда не был равен китайскому императору. С XIV в. по конец XIX в. традиция следовать образцу Китая как в политике, так и в культуре, а также подчиняться ему являлась отличительной чертой государства Чосон (1392–1910). В настоящее время наблюдается постоянный онтологический кризис разделения нации, то есть идет несовпадение внутреннего ощущения неделимого Корейского полуострова¹ и физического разделения нации с 1945 г., а Корейская война (1950–1953) является одной из главных трагедий прежде единого корейского народа.

Таким образом, на вопрос о влиянии среды на формирование стратегической культуры и ее восприятие политическими элитами мы можем ответить, что среда

¹ В Конституции обеих стран — КНДР и РК — в качестве государственной территории указывается вся территория Корейского полуострова, несмотря на физическую границу по 38-й параллели.

для Кореи никогда не являлась безопасным местом. С самого начала формирования государственности еще в III–IV вв. Корейский полуостров сталкивался с проблемой притязания извне. Существование Кореи зависит от постоянных усилий государства выжить в условиях, где невозможно ничего контролировать. В данном случае Корея выживала через взаимодействие с другими странами, если при династии Чосон это была политика следования за Китаем, то в настоящее время это политика следования за главным союзником ЮК — США. Однако здесь также можно выявить субъектность особого типа, реализующуюся через маневрирование в чужих условиях и на чужом поле, так называемая политика баланса (кор. 균형 정책). По большому счету это маневрирование в отношениях между главным политическим союзником — США и главным экономическим партнером — КНР, и внешняя политика РК успешно реализует данную политику на протяжении последних тридцати лет.

Однако помимо политики баланса Корея также стремится к формированию новых союзов. Например, во внешнеполитической стратегии 2026 г. указывается такая задача, как «внесение вклада в деятельность мирового сообщества и участие в G-7 + реализация дипломатии сильного государства» (국제사회 공헌과 참여로 G-7 + 외교 강국 실현). Помимо активного развития связей со странами Запада особо выделяются такие направления, как «новая южная политика» (신남방 정책), «новая северная политика» (신북방 정책). «Новая южная политика» реализуется через развитие отношений Кореи с АСЕАН (Ассоциация стран Юго-Восточной Азии) в рамках «Корейско-АСЕАНской инициативы солидарности» и «Индо-Тихоокеанской стратегии», например, страна участвует в разработке проектов «умные города», запланированных АСЕАН, а также участвует в создании единой ИИ-инфраструктуры и развивает цепочки поставок в автомобильной, сталелитейной и нефтехимической отраслях в соответствии с соглашениями о свободной торговле. Для реализации «новой северной политики» планируется проведение первого в истории саммита «Республика Корея — Центральная Азия» в 2026 г., что говорит о смещении фокуса на прагматичное экономическое сотрудничество с пятью странами Центральной Азии — Казахстаном, Узбекистаном, Туркменистаном, Таджикистаном и Кыргызстаном [12].

На примере данных направлений мы видим, что, несмотря на восприятие среды как онтологической угрозы безопасности, стратегическая культура РК умело маневрирует на международном поле в чужих условиях. Изначальная установка бытие-в-промежутке, призванная обеспечить онтологическую безопасность государства, где Корею было отказано в субъектности, а ее границы постоянно нарушались, в настоящее время трансформируется в политику баланса и формирование новых союзов. Возвращаясь к основному постулату теории конструктивизма (понимание анархии международной системы как конструкта, образующегося в результате деятельности государств, то есть интерпретация международной системы зависит от самого восприятия государства), мы можем сказать, что начальная установка политических сил Кореи на небезопасность и враждебность среды постепенно трансформируется в идею о том, что, возможно, политическая

среда остается небезопасным местом, но и даже в ней есть возможность для маневров и создания как новых союзов, так и новых возможностей.

Литература

1. Лукин В., Мусиенко Т., Стратегическая культура: эволюция теории // *Credo New*. 2012. № 2. URL: https://www.intelros.ru/readroom/credo_new/kr2-2015/27737-strategicheskaya-kultura-evolyuciya-teorii.html (дата обращения: 10.05.2026)
2. Родионов В. А., Бритова В. Р., Республика Корея как средняя держава: теория и практика // *Вестник БНЦ СО РАН*. 2021. Вып. 4. С. 53–62.
3. Berger T. U. *Cultures of Antimilitarism: National Security in Germany and Japan*. Baltimore, Johns Hopkins University Press, 1998.
4. Gray C. S. Strategic culture as context: the first generation of theory strikes back. *Review of International Studies*. 1999. 25(1): 49–69.
5. Johnston A. I. *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese History*. Princeton University Press, 1995, 320 p.
6. Legro J. W. *Cooperation under Fire: Anglo-German Restraint during World War II*. Ithaca, Cornell University Press, 1995.
7. Mitzen J. Ontological security in world politics: State identity and the security dilemma. *European Journal of International Relations*. 2006; 12(3): 341–370.
8. Snyder J. L. *The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Operations*. R-2154-AF, September 1977 / A project AIR FORCE report prepared for the United Air Force.
9. Waltz K. N. *Man, the State and War*. New York: Columbia University Press, 2001, 283 p.
10. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press, 2003. 450 p.
11. 백자성. 한국 전략문화의 속성과 안보 정책에 미치는 영향에 관한 연구 [Исследование свойств корейской стратегической культуры и её влияния на политику безопасности]. – *성명대학교 일반대학원*, 2023년 2월.
12. 외교부. 외교정책 목표 [Министерство иностранных дел Республики Корея. Цели внешней политики]. URL: https://www.mofa.go.kr/www/wpge/m_24964/contents.do (дата обращения: 14.06.2026).

Статья поступила в редакцию 06.05.2026; одобрена после рецензирования 14.05.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The Origins of South Korea’s Strategic Culture: An Ontological Analysis

Viktoriya R. Britova

Cand. Sci. (Hist.), A/Prof. of Regional Studies and Asian History Department,
Dorzhi Banzarov Buryat State University
24a Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russia

Abstract. The article considers the origins of the Republic of Korea's strategic culture through an ontological lens. Drawing on A. Wendt’s constructivist theory and J. Mitzen’s concept of ontological security, we have analyzed how the historical experience of existing “between” great powers, colonial trauma, and national division have shaped a persistent perception of an unsafe international environment. This posture, defined as “being-in-between”, result in

a South Korea's foreign policy characterized by balancing between the United States and China. The study highlights that the Korean strategic agency today evolve due to new instrumental, pragmatic maneuvers.

Keywords: strategic culture, the Republic of Korea, ontological security, constructivism, being-in-between, balance policy, identity dualism, middle power.

For citation

Britova V. R. The origins of South Korea's strategic culture: An ontological analysis. *Bulletin of Buryat State University. Philosophy.* 2026; 2: 60–68 (In Russ.).

The article was submitted 06.05.2026; approved after reviewing 14.05.2026; accepted for publication 14.05.2026.